

М.Ю. Савельев

УПРАВЛЕНИЕ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫМИ ОТНОШЕНИЯМИ И ЭТНОСОЦИАЛЬНЫМИ ПРОЦЕССАМИ СРЕДСТВАМИ МУЛЬТИКУЛЬТУРНОГО ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО ПРОЕКТИРОВАНИЯ В ЦЕЛЯХ ПРОГНОЗИРОВАНИЯ, ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ И РЕГУЛИРОВАНИЯ КОНФЛИКТОВ

В статье рассмотрены противоречия и проблемы современного институционализма. Обоснована необходимость преодоления разрыва между эмпирическими исследованиями влияния культуры на деятельность хозяйствующих субъектов и деятельность органов управления территориями и институциональным описанием их деятельности с помощью разработки каузально предопределенных надконституционными правилами идеальных экономических систем. Эти идеальные экономические системы должны концептуально обслуживать проектирование институциональных положений управления хозяйствующими субъектами и территориями в условиях завершившейся индустриализации. Поставлена сверхзадача мультикультурного институционализма: разработка универсального институционального механизма гармонизации межкультурных институциональных взаимодействий. Только такой механизм позволит человечеству перейти от конфронтационного взаимодействия культур к созидательному, т.е. породит настоящий мультикультурный мир, в рамках которого западная культура займет свое достойное и скромное место. Для теоретического обеспечения этой сверхзадачи необходимо пересмотреть все существенные элементы современной прозападной парадигмы экономической науки: ценностно-целевые установки и экономическую картину мира, логику доказательств и принципы постановки проблем, категориальный аппарат, а также исследовать и спроектировать изменения в научном и профессиональном сообществе. Основным средством такой ревизии, а, по сути, научной революции выбрана общая методология. Рассмотрена культура как основной фактор или основная среда формирования системы норм хозяйственной деятельности и управления. Показано, что культура является воспроизводимой в определенном обществе частью знания, которое имеет следующую иерархическую структуру: ценности, принципы, языки, картины мира, концепции, методы, стратегии, тактики, оперативные решения, описания феноменов и ситуаций. Поставлена задача квазигенетически реконструировать связи между этими уровнями на основании требования непротиворечивости и аутентичности. Исследование основных гипотез о нравственности человека показано, что институционалисты не просто не попытались построить элементарные шкалы классификации этических взглядов и их влияния на экономические отношения, а, сознательно защищая «священную корову» либеральной идеологии, самоустранились от таких исследований.

Ключевые слова: мультикультурный институционализм, парадигма экономической науки, экономическая методология, общая методология, культура, нравственность, ценности, надконституционные институты, идеальные экономические системы.

История науки насчитывает несколько случаев, когда научные работы существенно изменяли судьбы целых цивилизаций. В экономической науке таких случаев всего два. Первый – работа *Луки Пачолли*, выведшая европейскую цивилизацию с задворков истории в лидеры человечества. Второй – работа *Адама Смита*, поставившая экономическую деятельность в центр общественного бытия. Но оба эти автора не ставили перед собой таких задач. Эти изменения произошли помимо их планов. Напротив, целенаправленные попытки перепроектирования общественных отношений, как это имело место быть в случае с несколькими марксистскими и некоторыми другими проектами, терпели историческое фиаско. Современный проект построения глобальной экономики в соответствии с западной моделью экономических отношений имеет все основания оказаться в таком же историческом тупике.

В истории современной науки пока есть только один случай успешного целенаправленного изменения общественных отношений в результате научной деятельности. И его осуществили не обществоведы, а естественники. Речь, конечно, идет о знаменитом заговоре физиков, которые умышленно предоставили ряду конкурирующих между собой государств оружие, гарантированно уничтожающее все человечество, что исключило войну из форм межгосударственных отношений и, по сути, заложило основы возникновения того, что ныне называется «многополярный мир».

Несмотря на эти столь скромные результаты научной деятельности, необходимо признать, что стоящая перед рядом государств, в том числе и перед Россией, реальная проблема того, как соотносит социальное бытие своей страны с современными мировыми экономическими процессами, требует от науки судьбоносных решений. Этот заказ существует, но на поверку ученым нечего предложить, не

потому что мало проводится исследований в этом направлении, а потому, что средства и способы производства знаний и ценностно-целевые установки их получения являются естественными ограничениями деятельности научного сообщества и не позволяют разрешить целый спектр уже давно известных актуальных научных проблем. Попробуем очертить круг такого рода проблем, без разрешения которых невозможно выполнение вышеуказанного заказа.

Противоречия и проблемы современного институционализма

Россия, как и многие другие незападные страны, де-факто вошла в число регионов мира, в которых индустриализация прекращена. Диагностика этого состояния противоречива. Позитивное восприятие этого состояния позволяет строить проекты постиндустриального развития, экономики знаний, негативное – прогнозы деиндустриализации, перспективы различных форм неокOLONИализма, с множеством переходных форм между этими крайностями. Можно также с уверенностью сказать, разнообразие моделей развития промышленно развитых регионов существенно больше разнообразия моделей индустриализации, что обусловлено с одной стороны более высокой сложностью объектов управления, а с другой – неопределенностью направления развития завершивших индустриализацию обществ.

Такое разнообразие диагнозов и моделей ставит управленцев в положение высокой неопределенности выбора методов, механизмов, инструментов и технологий функционирования экономических систем и институциональных преобразований, что практически выражается в росте внутрифирменных, отраслевых, страновых и глобальных рисков. Снятие этой неопределенности требует поиска, выдвижения, выбора и применения неслучайных критериев принятия управленческих решений, в первую очередь – методических решений. Таким образом, исследования в этом направлении представляются не просто актуальными, но первоочередными задачами социально-экономического развития.

Не меньше накопилось противоречий и в развитии самого экономического и управленческого научного знания, призванного, как представляется на первый взгляд, концептуально обеспечивать решение указанных выше практических задач управления. Из этих эпистемологических противоречий в первую очередь необходимо назвать следующие:

- нет теоретических обобщений обширного эмпирического материала по влиянию культуры на управление и экономические отношения, что стало явным тормозом в разработке средств управления хозяйствующими субъектами и территориями в условиях глобализованного экономического пространства;
- отсутствуют исследования институтов, функционирующих на основании надконституционных норм, что не позволяет верифицировать институциональные проекты на предмет их реализуемости в тех или иных культурных средах;
- методология неинституционализма не позволяет разрабатывать идеальные экономические системы, без которых вообще невозможен научный прогресс;
- попытки объяснить возникновение организаций из логики развития рыночных отношений до сих пор не увенчались успехом, что ставит либеральную идеологию и неолиберальную экономическую теорию в двусмысленные условия нетранслируемого в незападные культуры знания.

Научные проблемы, в свою очередь, не позволяют управленцам-практикам в незападных странах проводить непротиворечивую политику, там, при применении западных социально-экономических наук, возникают серьезные институциональные проблемы, выражающиеся как минимум в избыточных транзакционных издержках и замедлении развития, а нередко и открытых социальных, межэтнических, межконфессиональных, политических и, в конце концов, военных конфликтах. Есть серьезные основания предполагать, что межцивилизационные конфликты Запада и Исламского мира, Западноевропейской и Восточноевропейской цивилизаций, выражающиеся в целой серии локальных войн текущего столетия в своей основе имеют институциональные противоречия между этими цивилизациями.

Исходя из этого, проблема, на которую нацелено настоящее исследование, заключается в необходимости преодолеть разрыв между эмпирическими исследованиями влияния культуры на деятельность хозяйствующих субъектов и деятельность органов управления территориями и институциональным описанием их деятельности с помощью разработки каузально predeterminedных надконституционными правилами идеальных экономических систем. Эти идеальные экономические

системы должны концептуально обслуживать проектирование институциональных положений управления хозяйствующими субъектами и территориями в условиях завершившейся индустриализации, включая поиск, выдвижение, выбор и прогноз применения неслучайных культурообусловленных критериев снятия неопределенности принятия решений относительно выбора методов, механизмов, инструментов и технологий функционирования экономических систем и институциональных преобразований.

Для преодоления такой теоретической проблемы потребовалось выдвинуть следующие гипотезы:

- применяемые ныне методологические инструменты теоретических исследований социально-экономических объектов в силу их зависимости от культурных и идеологических установок западной цивилизации не позволяют разработать практикореализуемую теорию экономики и управления хозяйствующими субъектами и промышленно развитыми регионами незападных культур;
- существующие теоретические представления об управлении хозяйствующими субъектами и промышленно развитыми регионами культурно и идеологически обусловлены случайным образом и поэтому неаутентичны условиям хозяйствования в России и большинстве других завершивших индустриализацию незападных стран;
- существуют культурообусловленные (аутентичные надконституционным условиям хозяйствования) критерии снятия неопределенности принятия решений относительно выбора методов, механизмов, инструментов и технологий функционирования экономических систем и институциональных преобразований;
- культурообусловленные основания общественного самоопределения требуют для их реализации в экономической деятельности соответствующие им типы координации и организации хозяйствующих субъектов;
- типы координации и организации позволяют спроектировать непротиворечивые модели их функционирования и соответствующие им проекты стратегий управления.

В целях преодоления научных проблем и для подтверждения или опровержения выдвинутых гипотез были сформулированы следующие исследовательские задачи:

- рассмотреть и при необходимости допроектировать такие методологические инструменты теоретических исследований, которые позволяют изменять не только средства и способы производства знаний, но и ценностно-целевые установки их получения, чтобы далее с помощью их можно было разработать практикоориентированную теорию экономики и управления хозяйствующими субъектами и промышленно развитыми регионами свободными от культурных и идеологических установок западной цивилизации;
- исследовать основные теории завершивших индустриализацию обществ на предмет поиска в них аутентичных незападным культурам онтологических оснований и с помощью этих оснований увидеть новую научную картину экономического бытия, в соответствии с которой каждая культура имеет возможность самореализовываться в аутентичных ей экономических отношениях;
- определить аутентичные условиям хозяйствования в России и других промышленно развитых регионах мира культурообусловленные (аутентичные надконституционным условиям хозяйствования) критерии снятия неопределенности принятия решений относительно выбора методов, механизмов, инструментов и технологий функционирования экономических систем и институциональных преобразований;
- определить взаимосвязь между культурообусловленными основаниями общественного самоопределения и доминирующими в обществе типами координации хозяйствующих субъектов;
- определить требования типов координации хозяйствующих субъектов к соответствующим им типам организаций;
- определить существенные признаки (роли участников, цели, профессиональные языки, концепции, методы) типов координации и организации в зависимости от доминирующего в обществе типа координации хозяйствующих субъектов;
- разработать основные модели организаций и проекты стратегий их реализации в хозяйственной деятельности в соответствии с культурообусловленными критериями.

То, что реализация идеи мультикультурализма в рамках западной культуры потерпела полное фиаско, никак не сняло с повестки дня задачи гармонизации сосуществования культур в условиях глобализованного (т.е. взаимосвязанного и взаимозависимого) мира. Эта одна из важнейших общечеловеческих проблем требует своего скорейшего решения.

В рамках настоящего проекта данная проблема конфликта культур и конкретные задачи заявленного научного приоритета видятся не в рамках межличностных взаимодействий и работы с маргинальными группами. Они видятся как конфликт неизбежно порождаемых этими культурами социальных, в первую очередь экономических институтов: институтов собственности, денег, цен, контрактов, возникновения организаций, а также конфликт средств, порождающих эти институты, среди которых важнейшее место занимают институты социальных наук и идеологий. Научное понимание различающихся разными культурными средами социально-экономических и политических институтов, межкультурных форм взаимодействия этих институтов, включая конфликты, а так же институциональные средства регулирования этих конфликтов находятся в фокусе исследований настоящего проекта.

Сверхзадачей настоящего исследования можно назвать разработку универсального институционального механизма гармонизации межкультурных институциональных взаимодействий. Только такой механизм позволит человечеству перейти от конфронтационного взаимодействия культур к созидательному, т.е. породит настоящий мультикультурный мир, в рамках которого западная культура займет свое достойное и скромное место.

Методологические основания перепроектирования господствующей парадигмы экономической науки

Преодоление разрыв между эмпирическими исследованиями влияния культуры на экономическую деятельность хозяйствующих субъектов и территорий и институциональным описанием их деятельности как выяснилось в ходе проведения настоящего исследования – нетривиальная научная задача, так как средствами и способами господствующей парадигмы экономической науки она не решается, потому что объект исследования (культура) явным образом выходит за рамки важнейших элементов парадигмы. В этих условиях есть два пути: или остаться в рамках существующей методологии, констатируя факт обнаружения необъяснимого с точки зрения науки феномена, что обычно и делают исследователи влияния культуры на экономику, или последовательно пересмотреть все элементы парадигмы на предмет поиска средств, позволяющих концептуально обобщать имеющиеся результаты эмпирических исследований.

Основное ограничение, с которым сталкиваются исследователи на втором пути, можно охарактеризовать как «культурный шок», так как, вступив на него, очень быстро выясняется, что весь парадигматический потенциал экономической науки со времен *Адама Смита* – это всего лишь набор мифов, ритуалов, табу, фетишей и прочих иррациональных с современной научной точки зрения элементов культуры аборигенов запада европейского полуострова. Как рассказывал *Александр Александрович Зиновьев* в свое время его работу «Восхождение от абстрактного к конкретному (на материале «Капитала» К. Маркса)» [1] не допускали к защите, объясняя это тем, что он хоть и ничего антимарксистского в ней не допустил, но с *Марксом* обращается как с подопытным кроликом. В данном случае мы обязаны препарировать уже не одного отдельного классика, а весь парадигматический потенциал науки с более чем двухсотлетним багажом исследований.

На этом пути наибольшую сложность представляет не определение того, с помощью чего и в каких ценностно-целевых установках исследовать элементы парадигмы экономической науки, а то, что исследование надконституционных правил, к которым, безусловно и в первую очередь, относятся культура и наука как ее неотъемлемая часть, требует не только исследования элементов парадигмы, но рассмотрения отношений знаний и деятельности вообще, построения особых правил работы с этим типом надконституционных знаний. Решение этой задачи требует исследования уже не парадигмы экономической науки, а знаний о знании: теорий информации, структурной лингвистики, семиотики, соответствующих разделов математики и кибернетики.

Только проделав столь длительный, но воистину увлекательнейший путь, мы сможем приступить к решению собственно научной (и главной научной!) задачи – построению идеальных экономических систем, от которых ныне вынуждены были отказаться важнейшие научные дисциплины, или уходя в феноменологические исследования как неоинституционализм, или вообще

подменяя позитивную научную работу, заключающуюся в обосновании результатов научного поиска, часто квазинаучной дискредитацией имеющих в обращении гипотез.

Итак, в этой статье ставится задача определить необходимые для целей настоящего исследования изменения в методологии экономической и управленческой науки: в ценностно-мировоззренческих основаниях и взглядах, в методах и логике доказательств истинности научных выводов, в принципах постановки проблем и задач, в научном категориально-понятийном аппарате, а так же в процессах развития научного и профессионального сообществ экономистов и управленцев, средствах и способах их работы с профессиональными, в том числе научными знаниями.

Культурологическая концепция экономической деятельности

Так как важнейшим элементом системы гипотез настоящего исследования является допущение того, что социально-экономические отношения определяют не производительные силы, не уровень развития технологий, не мотивы людей и не набор формальных институтов, так как все эти среды экономической деятельности на поверку изменяются намного быстрее, чем собственно общественные отношения. Более инерционной средой, чем общественные отношения является только культура. Именно она рассматривается здесь как основной фактор или основная среда формирования системы норм хозяйственной деятельности и управления в этой сфере.

В настоящем исследовании культура не рассматривается как совокупность гуманитарных отраслей экономики: искусства, науки, образования, здравоохранения, туризма и т.п. Также культура не рассматривается как отношение индивида или группы к нормам, исполнение или неисполнение ими правил, хотя в рамках данных взглядов на культуру достаточно много исследований, как в соответствующих разделах экономики труда и экономики неформального сектора, так и в разделах теории менеджмента (например, управленческой конфликтологии).

Понятие «культура» на данный момент – термин в первую очередь социальной философии [2], а не отраслевых наук, и в западной социальной мысли слово «культура» в основных его современных смыслах используется с 18 века. Настоящее исследование находится в рамках концепции «локальных цивилизаций», использованной в исторической школе еще в 19 веке, хотя с методологией этой школы не имеет ни чего общего.

Культурология и прочие отраслевые науки, держащие культуру в центре предметного поля, по большому счету, находятся на допарадигмальном уровне развития и по этой причине нельзя говорить о доминирующих или недоминирующих в современной науке концепциях культуры. Социальная антропология в рамках функциональных теорий культуры рассматривает культуру как органическое целое, анализируемое по составляющим его институтам. Эти взгляды лежат в основании институционализма. Лежащий в основании неоинституционализма структурно-функциональный анализ, критикуя функциональные теории, использовал понятие культура для обозначения системы ценностей. В настоящем исследовании ценности также находятся в центре культурного поля, но не определяют культуру полностью.

В настоящее исследование понятие культуры транслировано из общей методологии, которая относит культуру к особому рода нормативным требованиям. Она «требует от человека предельного преодоления индивидуального и совместного эгоцентризма и вписанности в «законы бытия» универсума за счет нейтрализации своей «частности»» [3. С. 68]. **Культура** является, таким образом, воспроизводимой в определенном обществе частью знания, которое имеет следующую иерархическую структуру: ценности, принципы, языки (для искусственных языков – категориально-понятийный аппарат), картины мира (онтологии), концепции (в науке – теории и т.п. элементы фундаментальной науки), методы (в т.ч. прикладная наука), стратегии, тактики, оперативные решения, описания феноменов и ситуаций.

В общей методологии **ценности** определяются как абстрактные, безусловно побуждающие к деятельности представления о потребностях в отношении «мира» (универсума). Социальные установки, жизненные стратегии, символы и мифы, которые в социологических, в первую очередь эмпирических исследованиях часто именуют ценностями [4], с точки зрения настоящего исследования ценностями не являются, так как такой подход к ценностям не позволяет ставить их в основание проектирования институтов.

Исходной гипотезой методологии настоящего исследования является допущение того, что в каждой культуре элементы иерархии знаний связаны между собой **требованием непротиворечивости**. В случае противоречия между иерархическими уровнями культура становится

невоспроизводимой и разрушается. Цель исследователя в этом случае не описать влияние культуры на принятие управленческих решений (хотя таких исследований и достаточно), а **квазигенетически реконструировать** эти связи, создав тем самым идеальные экономические системы. Иные концепции культуры не позволяют достичь этой цели. Цепь рассуждений о влиянии культуры на управление заключается в квазигенетической реконструкции норм от ценностных принципов к понятийно-категориальному аппарату, и далее к онтологии и концепции управления.

В исследовании так же рассматриваются отдельные профессиональные и исторические культуры, как части какой-либо локальной культуры человечества. Например, профессиональная управленческая культура проходит исторические стадии развития экспертной (заказно-целевой, целевой и программно-целевой), рефлексивной и методологической культуры, но в рамках каждой цивилизации она специфически обусловлена едиными для данной цивилизации ценностями и принципами. В этом и заключается культуурообусловленный характер управления.

В настоящем исследовании рассматриваются локальные культуры отдельных цивилизаций (например, западная или российская). Внутри этих локальных культур существует управленческая культура – культура субэтнической группы управленцев. Все управленческие культуры разных цивилизаций имеют инвариантные относительно локальных культур стадии развития: экспертную, рефлексивную и методологическую. Такова культуурологическая онтологема настоящего исследования.

Необходимо заметить также, что культура – не вирус, и она не распространяется чтением книжек по культуурологии. В течении десятилетнего экономического цикла возможно распространение, например, одного отдельно взятого метода управления. Изменение профессионального языка уже возможно только со сменой поколений профессионалов примерно со скоростью циклов *Кондратьева*. Управленческая культура меняется еще медленнее – по мере смены правящих элит, например, в нашей стране – при переходах от княжеской к боярской, от боярской к дворянской, от дворянской – к современной, а изменение локальной культуры любой цивилизации потребует проживания полутора тысячелетнего цикла *Гумилева*. Методологическая культура управления с этой точки зрения – проект культуры не нынешней, а будущей элиты России.

Аутентичный – обладающий собственным бытием, соответствующий своей сути, имеющий возможность выбирать и быть автором своей жизни. Данный термин изначально применялся к текстам, в случае настоящего исследования к текстам особого рода – текстам нормативного характера, являющимся институциональными условиями хозяйствования. При последовательном проектировании нормативных текстов по иерархии от ценностных принципов к профессиональному управленческому языку, от него к онтологии и далее к концепции хозяйствующих субъектов аутентичность каждого последующего уровня предыдущему является единственным критериальным основанием проектирования, исключающим все случайные отклонения, которые мы обнаруживаем при эмпирических исследованиях. Только такой квазигенетический метод проектирования иерархической системы непротиворечивых норм позволяет создавать идеальные экономические системы. Ярчайшим примером такого проектирования можно назвать экономические работы *А. Смита*, являющиеся всего лишь следствием его этических исследований.

Гипотезы о нравственной природе человека как основное средство построения моделей экономических систем

Институционалисты утверждают, что исследования влияния надконституционных норм на экономическую деятельность не идут дальше умозрительных конструкций и разрозненных фактических наблюдений [5. С. 44], за редкими исключениями, такими как, например, исследования влияния протестантской этики на трудовую и предпринимательскую деятельность *Макса Вебера* [6]. Но если внимательно рассмотреть работы величайших экономистов, то будет видно, что различия в их выводах напрямую зависят от исходных нравственных установок. В лучших научных работах априори содержится этическая система, в рамках которой ученый экономист и проводил свои исследования. Так, экономические работы *Адама Смита* есть следствие, если можно так сказать – факультативное применение, его основных научных результатов – этических исследований. Результаты экономических исследований *Карла Маркса* – также результаты изначально сделанных им допущений о нравственности человеческих отношений.

Адам Смит, как известно, был противником рационалистических теорий этики, указывая на происхождение нравственности из чувства симпатии, сопереживания [7], т.е. был сторонником

субъективного идеализма. Источником нравственности в его понимании является человек. И в этом *Смит* солидарен со своими оппонентами – материалистами эпохи Просвещения, сущность которой *Кант* определял как широкое использование человеческого разума для реализации социального прогресса. В этих основаниях мы находим источник разумного эгоизма классической политэкономии в частности и идеологии либерализма вообще.

Такой взгляд на нравственную природу человека возник, как известно в полемике со средневековой схоластикой и католической нравственностью. Общим для Просвещения и схоластики, очевидно, является рационализм. В этом Просвещение является прямым результатом развития схоластики, восходящей к позднеантичной философии. Отличие только в предмете мышления, куда вместо религиозных догматов деятели Просвещения вносили природу, право, общество и т.д. Но то, что разработанные схоластами рациональные инструменты мышления идеально соответствуют эгоистическому индивидуализму, не было случайностью. Ведь схоластика, как известно, обслуживала интересы установления папского абсолютизма, создания в Европе теократического государства.

Католическая же нравственность имеет существенные отличия от раннехристианской. Если в последней главным угодным Богу нравственным деянием человека является покаяние, то в западном христианстве появляется «сверхзаслуга» – монашеское и священническое служение Богу, которое в период огосударствления папского престола было доведено до идеи непогрешимости. Протестантское отрицание власти Папы не привело к возрождению раннехристианской нравственности, а к возрождению дохристианской античной нравственности – культу человека. Вера в сверхзаслуги церковников трансформировалась в веру обрести эти сверхзаслуги мирской деятельностью – трудом. Вера в непогрешимость Папы – в веру в собственную безгрешность. Не удивительно, что по некоторым опросам 25 % американцев считают себя святыми! Если институт покаяния как процедура осознания своей греховности не применяется, то, каюсь только перед самим собой, очень легко поверить в свою безгрешность... Естественно, что западные институционалисты не могут ни чего обнаружить в надконституционных нормах своего общества, кроме протестантской этики. Там просто больше ничего нет.

Убежденность в эгоистической природе человека характерна для всех ближневосточных религиозных традиций. В десяти заповедях сказано, что полюби ближнего, как самого себя, значит, эта норма исходит из изначальной ситуации любви к самому себе, а не к ближнему. Но если в иудаизме, христианстве и исламе разрабатывались институты того, как уменьшить социальные издержки эгоистической природы человека, то западная либеральная модель человеческих отношений фиксирует эгоизм как данность, как исходное условие, и уж точно не ставит перед собой задач исправить или компенсировать это нравственное состояние. По большому счету эгоизм не определяется как грех, а, следовательно, не нужно преодолевать это состояние. Между человеком и животным в этой точке зрения нет различий и к общественным отношениям применимы модели биологической эволюции. Социальный дарвинизм, ставший теоретическим основанием расизма, милитаризма и экспансионизма, а в итоге – их интеграции в форме нацизма, есть логическое продолжение либеральной идеологии.

Оскорбительные для мусульман карикатуры на Пророка, вполне допустимые с точки зрения толерантности (терпимости) – эгоистической нравственной нормы либерализма (от публикации карикатур доходы мусульман не зависят, следовательно, у них нет оснований предъявлять претензии), никогда не станут допустимыми для мусульман. Просто потому что если они с этим согласятся, то мусульмане перестанут быть мусульманами, а превратятся в людей западной культуры. Сущностью всех ближневосточных религиозных традиций является уважение не только интересов, но и чувств других людей, поддержание с ними комплиментарных отношений, даже если их взгляды вы не разделяете. Средством обеспечения этой комплиментарности и выступают нравственные нормы, ограничивающие эгоистическую природу человека.

Иудейская, христианская и исламская этики, ограничивая эгоизм, прививают человеку альтруистические нормы поведения. И если в отношениях европейцев высшим нравственным основанием отношений людей друг к другу является терпимость (готовность допускать существование инакомыслия), то более альтруистическими, но всё еще в основном эгоистическими нормами становятся нормы уважения и справедливости. Уважение (почтительное отношение, основанное на признании достоинств другого) как эмоционально-этическая норма в применении к

правовым, экономическим и политическим отношениям приобретает форму справедливости – требования соответствия роли человека в обществе и его социального положения.

Очевидно, что экономические отношения, в которых справедливость применяется в качестве нравственного критерия принятия решений, ни чего общего с либеральной моделью экономики никогда иметь не будет. Более того, невозможно построить единую экономическую модель для всех случаев применения критерия справедливости. В зависимости оттого, что в конкретном историческом обществе считается справедливым, мы получим множество патерналистских экономических систем, как множество точек на кривой, построенной в соответствии с функцией общественного благосостояния, на которой возможны решения от «минимального государства» (когда богатый ограничивает себя только минимальным доходом бедного) до эгалитарного. Как тонко по этому поводу заметил Роулс, что «можно легко переходить от одной моральной концепции к другой просто меняя параметр $[v]$ » уравнения 1 [8. С. 664].

$$G = \frac{1}{1-v} \sum_h [(U^h)^{1-v} - 1] \quad (1)$$

где G – функция общественного благосостояния, U^h – полезность для индивида, h – полезность отражает индивидуальные оценки, v – параметр моральной оценки.

Необходимо заметить, что эта модель перераспределения применяется для принятия налоговых, ценовых и распределительных решений государства в отношении индивидов или социальных групп, но не для принятия решений самим человеком. В случае если индивид сам будет применять моральный критерий к своей деятельности, то мы получим совершенно иную модель экономической системы. В которой критерий максимизации своего богатства не действует вообще. Таковой моделью будут экономические отношения в обществе, где нравственность более альтруистическая, чем эгоистическая. Скорее всего, именно в этой точке и находится граница между патернализмом и эгалитаризмом. Моральным основанием такого общества будет, например, доверие между людьми, т.е. такие отношения, при которых индивидуализм менее распространен, чем коллективизм. Крайним случаем альтруистических, коллективистских нравственных оснований будет милосердие и любовь к другому человеку.

Например, неоконфуцианская традиция исследования и проектирования общественных отношений, восходящая к *Мэн-цзы*, исходит из допущения изначально доброй нравственной природы человека. На этом основании идеи легизма о регулировании отношений с помощью законов конфуцианством отвергаются. В результате в рамках нравственных оснований и надконституционных норм ли-этикета оказалось возможным создание централизованной экономической системы, в целом защищенной от установления тоталитарного режима. Ясно, что создание централизованной экономики в рамках хоть и коллективистской, но основанной на теории классовой борьбы и оправдании насилия этике марксизма во всех странах неизбежно заканчивалось созданием тоталитарного государства и разрушением общественных связей. Возвращение же к исходной конфуцианской этике в японских корпорациях и, отчасти, в денсяопиновском Китае показывает возможность развития централизованной экономики в наше время.

Даже этот поверхностный экскурс в нравственные надконституционные нормы позволяет сделать выводы, что институционалисты не просто не попытались построить элементарные шкалы классификации этических взглядов и их влияния на экономические отношения, а сознательно защищая «священную корову» либеральной идеологии, самоустраились от таких исследований.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в Удмуртском государственном университете (г. Ижевск, Россия), проект № 15-18-00049

The study was financially supported by the Russian Science Foundation at Udmurt State University (Izhevsk, Russia), project No. 15-18-00049

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Зиновьев А. А. Восхождение от абстрактного к конкретному : (на материале «Капитала» К. Маркса) / Рос. акад. наук, Ин-т философии. – М. : [Ин-т философии РАН], 2002. – 321 с.
2. Хотинец В.Ю. Со-бытие культур. Психологические универсалии в культурном многообразии. – Екатеринбург: Изд-во Урал.ун-та, 2005. –152 с.

3. Анисимов О. С. Методологический словарь для стратегов. Т. 2. Методологическая парадигма и управленческая аналитика. М., 2004. – 364 с.
4. Базовые ценности россиян: Социальные установки. Жизненные стратегии. Символы. Мифы / отв. ред. А. В. Рябов, Е. Ш. Курбангалеева. – М. : Дом интеллектуал. книги, 2003. – 448 с. – URL: <http://www.e-reading.club/book.php?book=136574> (дата обращения: 07.10.2015).
5. Институциональная экономика: новая институциональная экономическая теория : учебник / под общ. ред. А. А. Аузана. – М. : ИНФРА-М, 2007. – 416 с.
6. Вебер М. Хозяйство и общество / пер. с нем. под науч. ред. Л. Г. Ионина. – М. : Изд-во ГУ ВШЭ, 2010. – 456 с.
7. Смит А. Теория нравственных чувств / [вступ. ст. Б. В. Мееровского ; подгот. текста, коммент. А. Ф. Грязнова]. – М. : Республика, 1997. – 351 с. – (Б-ка этической мысли). – URL: <http://www.rulit.me/download-books-409924.html?t=rtf> (дата обращения: 12.10.2015).
8. Rawls, J. (1974). Reply to Alexander and Musgrave. *Quarterly Journal of Economics*, 88(4), 633–655. – URL: <http://qje.oxfordjournals.org/content/88/4/633.full.pdf+html?sid=4ac79c23-200d-4a5f-a399-164c5eb3f177> (дата обращения: 13.10.2015).

M. Yu. Savelyev

DEPARTMENT OF INTERNATIONAL RELATIONS AND MULTICULTURAL ETHNOSOCIAL PROCESS BY MEANS OF INSTITUTIONAL DESIGN IN ORDER TO ANTICIPATE, PREVENTION AND CONFLICT MANAGEMENT

The paper deals with contradictions and problems of modern institutionalism. It explains the need to bridge the gap between empirical research into the impact of culture on the activity of economic entities and the activity of territorial authorities and the institutional description of their activity through the development of ideal economic systems causally predefined by supra-constitutional rules. These ideal economic system should provide conceptual support to the development of institutional provisions of managing economic entities and territories in the conditions of completed industrialization. The paper sets the priority of multicultural institutionalism: to develop a universal institutional mechanism of harmonization of institutional cross-cultural interactions. Only such a mechanism will allow humanity to move from confrontation to constructive interaction between cultures, i.e. will generate a really multicultural world in which the Western culture will take its rightful and humble place. To provide theoretical support to this most important task, it is necessary to review all of the essential elements of the modern pro-Western paradigm of economics: value-target orientation, the economic picture of the world, the logic of evidence, the principles of setting problems and the categorical apparatus, as well as to research and design changes in the academic and professional community. The main means of such a revision, and, in fact, a scientific revolution, should be common methodology. The paper considers culture as the main factor or the basic medium of formation of the system of business and management rules. It shows that culture represents part of knowledge that is reproduced in a certain community and has the following hierarchy: values, principles, languages, world view, concepts, methods, strategies, tactics, operational decisions, descriptions of phenomena and situations. The paper sets the task of performing a quasigenetic reconstruction of the relationship between these levels basing on the requirement of consistency and authenticity. Studying the basic hypotheses about the morality of man shows that institutionalists have not just tried to build basic classifications of ethical views and their impact on economic relations, but deliberately defended the “sacred cow” of liberal ideology, thus having withdrawn from such research.

Keywords: multicultural institutionalism, paradigm of economics, economic methodology, common methodology, culture, morals, values, supra-constitutional institutions, ideal economic systems.

Савельев Михаил Юрьевич, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Удмуртский государственный университет, 426034, Россия, г. Ижевск, ул. Университетская, д. 1 корп. 1, доцент, Ижевский государственный технический университет имени М.Т.Калашникова, 426069, Россия, г. Ижевск, ул. Студенческая, д. 7, председатель совета директоров, Ассоциация по методологическому обеспечению деловой активности и общественного развития «Митра», 426008, Россия, г. Ижевск, ул. Пушкинская, д. 241.
savelievmihail@mail.ru
+7-3412-433115
+7-9508-292517

Mikhail Savelyev, Ph.D., Senior Researcher, Udmurt State University Universitetskaya st., 1/1, Izhevsk, Russia, 426034 Associate Professor, Izhevsk State Technical University Student's st., 7, Izhevsk, Udmurt Republic, 426069

Board Chairman, Association of methodological support business and community development "Mitra", Pushkinskaya st., Izhevsk, Udmurt Republic, 426007,
E-mail: savelievmihail@mail.ru
+7-3412-433115
+7-9508-292517